
УДК 81'27
ББК 81.001.2
О - 77

Островская Т.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета; e-mail: sessvetla@mail.ru

**Эвфемизация и обратные процессы
в современном поведенческом дискурсе**
(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются актуальные проблемы (институционального) поведенческого дискурса на материале взаимно-противоположных процессов эвфемизации – дисфемизации. Показаны культурно-когнитивные и социологические факторы, влияющие на изменение дискурса носителей русского и английского языков. Приводится авторская классификация эвфемизмов и дисфемизмов. Установлено, что широкое употребление дисфемизмов в СМИ стимулирует популяризацию и проникновение их в широкий обиходный узус.

Ключевые слова:

Дискурс, эвфемизм, дисфемизм, перманентный, конъюнктурный, обценная лексика, табуизмы, социолингвистика.

Ostrovskaya T.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University; e-mail: sessvetla@mail.ru

**Euphemisation and return processes in a modern behavioural
discourse**

Abstract:

This work examines topical problems of (institutional) behavioural discourse on the basis of a material of mutual and opposite processes of euphemisation and dysphemisation. The cultural, cognitive and sociological factors influencing change of a discourse of carriers of the Russian and English languages are shown. The author's classification of euphemisms and dysphemisms is given. It is established that the wide use of dysphemisms in mass media stimulates promoting and their penetration into wide everyday usage.

Keywords:

Discourse, euphemism, dysphemism, permanent, timeserving, obscene lexicon, tabooism, sociolinguistics.

Эвфемизация как языковое явление есть предмет изучения различных областей филологии и лингвистики на протяжении нескольких столетий как за рубежом (D. Cristal, R. Holder, H. Rawson, etc.), так и в нашей стране (Б.А. Ларин

А.М. Кацев Н.Ц. Босчаева (Л.В. Артюшкина Г.Г. Кужим).

Р. Холдер, составитель авторитетного словаря *Oxford Dictionary of Euphemisms*, опирается на определение эвфемизма, данное Р. Фаулером: эвфемизм есть завуалированное выражение – перифраз, замещающий лексические единицы, вербализующие нелицеприятные факты действительности.

Поскольку в современной лингвистике эвфемия, будучи многосторонним культурно-языковым образованием, уже вышла за пределы чистой филологии и лингвистики, то это явление требует изучения в культурно-когнитивном и социолингвистическом русле.

С точки зрения лингвокультурологии эвфемизмы представляют собой не менее эффективный материал для изучения национальной языковой картины мира, чем паремии.

Многие ученые предпринимали попытки классификации эвфемизмов. Р.А. Будагов предложил наиболее общую классификацию этих лексических единиц, разделив их на эвфемизмы общелитературного языка и на эвфемизмы различных жаргонов, добавив к этим группам контекстуальные эвфемизмы.

Б.А.Ларин предложил социальную классификацию эвфемизмов, где критерием отбора является принадлежность слова к определенному социальному коллективу (институциональный дискурс).

Самая обширная тематическая классификация представлена Р. Холдером, выделившим шестьдесят лексико-семантических подклассов эвфемизмов.

Е.П. Сеничкина выделяет языковые эвфемизмы, а также исторические и дезэвфемизмы (дифемизмы).

В эвфемизмах, на наш взгляд, можно выделить две крупные тематические группы, отражающие различные явления окружающей действительности:

1. *Перманентные* – они вербализуют физиологические процессы человека

(т.е. телесный дискурс), в том числе сексуальные отношения.

2. *Конъюнктурные* - единицы, относящиеся к политкорректной лексике, цель которой вуализирование, камуфляж лексикой, употребление которой относится к области идеологического дискурса.

Мы не будем касаться вопроса конъюнктурных эвфемизмов и остановимся на анализе лингвокультурной ситуации, связанной с изменениями в узусе *перманентных* эвфемизмов.

Эвфемизмы первого типа, *перманентные*, отвечают одному из постулатов, сформулированному Г.Грайсом в статье «Логика и речевое общение», как стремление с помощью эвфемизмов избежать коммуникативного дискомфорта [1: 223]. Г. Пауль считал, что причиной возникновения эвфемизмов является «чувство стыда» и с этой целью пользуются косвенными обозначениями [2: 123]. На наш взгляд, эти определения в полной мере соответствуют эвфемизмам *перманентного* типа и совершенно не раскрывают цели и функции *конъюнктурных* эвфемизмов, т.к. мотивация их употребления крайне далека от «постулата вежливости», не говоря о «чувстве стыда».

Обсценная лексика (табуированная) являлась запретной в западной лингвокультуре приблизительно до середины XX века. Затем в ряде популярных произведений (К. Воннегут, *Завтрак для чемпионов*, или *Прощай, Черный понедельник!*) (*Breakfast of Champions, or Goodbye Blue Monday*), Д. Сэллинджер «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye* и др.) табуированная лексика переходит в разряд «вполне печатных».

Вплоть до конца XX века в российских переводах западных писателей читатели видели результаты усилий переводчиков найти замену обсценным словам, т.к. в славянской культуре сложился жесткий запрет на публичное употребление табуированной лексики, связанной с темой секса. В доперестроечный пе-

риод российская интеллигентная публика была значительно «целомудреннее» в средствах выражения.

Само по себе слово «табу»- полинезийского происхождения. Это слово появилось в обиходе английского языка (а из него было заимствовано во многие другие языки) благодаря капитану Джеймсу Куку, который в 1777 году на Островах Тонга столкнулся с ситуацией, когда местные вожди называли запретные вещи «табу».

В отечественной лингвистике проблемой табуированной лексики занимались многие ученые. По мнению М.М. Маковского, феномен табу оказал глубокое влияние на всё последующее развитие человеческой культуры и на само возникновение этой культуры. В нем отразилась диалектика человеческого мышления, взаимопроникновения «да» и «нет» и свобода выбора между ними. М. М. Маковский считает, что именно табу лежало в основе создания человеческой морали. В основе табу и эвфемизма лежит один и тот же феномен - запрет. Запрет в языке - это недопустимость употребления слова. Следовательно, значение эвфемизма, не только как средства языка и речи, но и как особого способа структурирования реальности, велико [3: 253].

Исторически табуированные слова и фразы не были полностью запрещены в английском языке и до середины XX века были допустимы в определенных условиях в определенных группах населения, не относящихся к высшему сословию. Первая мировая война послужила толчком для краха многих нравственных ценностей и, по словам Г.Л. Менкена, принесла «вызывающую свободу слова» и избавление от пуританства. Г.Л. Менкен считал, что пуританство – это боязнь, что кто-то где-то может быть счастливым.

В литературе импульсом для поворота от «стыда» к свободе послужил скандальный роман Д.Г.Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», в котором автор борется с существующими в то время табу и, по

сути, детабуизирует многие запреты на упоминание сексуальных отношений.

В современной лингво-культурной ситуации в последние десятилетия возникают процессы противоположные эвфемизации – детабуирование и дисфемизация обценной лексики, что носит характер культурной универсалии, т.е. наблюдается как на Западе, так и в нашей стране. В 60-х-70-х годах прошлого века в США и Великобритании резко увеличивается частота употребления обценной лексики в среде представителей среднего класса. Публичный шок был, в частности, вызван тем фактом, что обценную, «грязную» лексику стали употреблять женщины, «чистые существа», демонстрируя таким образом свободу от различных ограничений или, пользуясь определениями Г. Грайса и Г. Пауля, свободу от «постулата вежливости» и от «чувства стыда». В России причиной этому явлению также послужили экстралингвистические факторы – Перестройка и Гласность в 80-е годы XX века и последовавшая за этим отмена цензуры. В художественную литературу (А. Сорокин, В. Ерофеев и др.) и в язык прессы мощным потоком хлынули слова, которые до этого совершенно справедливо определялись как «непечатные» (что также является эвфемизмом).

В постперестроечной России женщины также резко утратили те качества, которые в совокупности определялись как «тургеневская девушка»: умные и красивые женщины вдруг начинают произносить такое, что не выдерживают уши, т.е. наблюдается тенденция снятия табу даже у традиционно устойчивых к бранной лексике групп.

Ю. Ванадис, анализируя особенности речи современной женщины, пишет: «Деловые дамочки с темным прошлым, для которых мат (судя по всему, берущий свое начало именно в этом прошлом) есть элемент жизни и мужского мира, в котором они вращаются. Такие, несколько не смущаясь, кроют всех и вся у себя на пути

и их можно понять – иначе не выжить. Здесь больше агрессии, чем эмоций.

1. Гламурные дамочки, которые в мате видят некий элемент шика и временами выглядят просто смешно и нелепо с не к месту вставленными словечками, никак не вяжущимися с их претензией на утонченность и остальным текстом.

2. Интеллигентные дамы «очень средних лет», которые прекрасно знают цену себе и своему окружению, но могут перейти на такой мат, от которого даже мужчины немеют. Что их к этому вынуждает – неясно. Возможно, постоянный контроль над собой временами дает сбой, а может, им в кайф шокировать окружающих. Вот этих можно слушать почти с восхищением.

3. Те, которые просто чувствуют себя более сильными и смелыми, употребляя крепкие словца. Таких большинство, и у них, как правило, «просто вырвалось». Самая скучная категория.

4. Девочки-подростки. Стоит только немного прислушаться, о чем и как они говорят между собой - просто полный восторг. Какой-то коктейль из сленга и мата, смысл которого лишний раз подтверждает, что ни одна мысль не оскорбляет своим присутствием их хорошенькие головки» [4].

Итак, мы наблюдаем, что поведенческий дискурс современных женщин как в нашей стране, так и за рубежом характеризуется значительной внутренней свободой, утратой патриархальных нравственных ценностей, выражающихся снятием табу на бранную и «грязную» лексику.

Кроме тенденции детабуизировать обценную лексику можно отметить такое явление как дисфемизация (или девфеминизация).

Дисфемизация - это «ухудшение» значения слова, приобретение им негативного, уничижительного, грубого, вульгарного оттенка.

Дисфемизмами являются:

- такие выражения и обороты, воздействие которых на слушателя (читателя) или аудиторию носит шокирующий,

оскорбительный, в ряде случаев унижающий человеческое достоинство характер;

- социально маркированная экспрессивная лексика различной степени герметизации с культурным компонентом;
- пласт экспрессивной социально маркированной лексики уже существующего естественного языка [5].

Несомненно дисфемизация в прошлом и в современном мире имеет различную когнитологическую основу. В наше время дисфемизации подвергаются лексические единицы, преимущественно обозначающие физические и умственные недостатки, человеческие пороки, физиологические функции, а также обозначения расовой принадлежности, т.е. те сферы жизни, упоминание которых большая часть общества старается избегать, т.е. по своему внутреннему содержанию дисфемизмы совпадают с *перманентными* эвфемизмами, при этом внешняя форма дисфемизмов является оппозицией к эвфемизмам.

Например, в английском языке появилось выражение «*meatwagon*» в значении «скорая помощь». Сравним с русским языком - «труповозка», т.е. автомобиль, перевозящий погибших в авариях и жертв насилия. Летчики времен Великой Отечественной войны называли самолеты определенных марок «летающими гробами».

В современном английском и русском языках *перманентные* дисфемизмы составляют обширнейшие синонимичные ряды, которые постоянно обновляются. В XX - XXI веке в связи с мировыми войнами и ростом терроризма синонимические ряды значительно возросли.

Как нам представляется, подобные процессы переводят лексическую среду в состояние неустойчивости, нестабильности, т.е. в режим с обострением, при котором вокруг локализованных очагов происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных лексических единиц [6: 184].

Почему это происходит? Это зависит от ряда экстралингвистических при-

чин, основная из которых – когнитивная деятельность человека, в процессе которой ему открываются новые связи, ассоциации и стороны в казалось бы уже известном динамическом окружении. В процессе познания происходит вербализация нового знания, и язык выступает здесь в роли «упаковки», в которой отражены результаты когнитивных усилий человеческого ума [7: 62].

Активное употребление лексических единиц-дисфемизмов в прессе (что диктуется потребностью журналистов в

«красном словце») приводит к популяризации новых дисфемизмов и проникновению их в широкий обиходный узус.

В статье рассмотрена лишь часть проблем, вызванных изменениями в языковом сознании носителей русского и английского языка на рубеже XX и XXI веков. Языковая картина мира меняется вместе с преобразованием самого окружающего мира и это явление требует дальнейшего изучения в культурно-когнитивном и социолингвистическом русле.

Примечания:

1. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 5-24.
2. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит., 1961. 500 с.
3. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.
4. Ванадис Ю. Женский мат. URL: <http://www.proza.ru/2008/05/28/280>
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
6. Нефляшева И.А. Ключевые слова и словообразовательные модели современного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2009. Вып. 2. С. 183-189.
7. Волошин Ю.К., Островская Т.А. Концептуализация мира в сниженных синонимах // Язык и межкультурная коммуникация. Майкоп, 2002. № 1. С. 61-67.

References:

1. Grice G. Logic and verbal communication // New in foreign linguistics. M., 1985. Issue 16. P. 5-24.
2. Paul H. Principles of the history of language. M.: Inostr. lit., 1961. 500 pp.
3. Makovsky M.M. A taboo phenomenon in traditions and language of the Indo-Europeans. M.: LKI publishing house, 2008. 280 pp.
4. Vanadis J. Women's dirty language. URL: <http://www.proza.ru/2008/05/28/280>
5. Nelyubin L.L. Explanatory dictionary of translation. 3rd ed., revised. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 pp.
6. Neflyasheva I.A. Keywords and word-formation models of the modern discourse // The Bulletin of the Adyghe State University. Maikop, 2009. Issue 2. P. 183-189.
7. Voloshin Yu.K., Ostrovskaya T.A. Conceptualization of the world in low level synonyms // Language and intercultural communication. Maikop, 2002. No. 1. P. 61-67.